

ИНДИАНИСТИКА В ХАРЬКОВЕ ПОСЛЕ П.Г.РИТТЕРА

В 30 - 40-х годах в советской лингвистике весьма отрицательную роль играла так называемая теория Н.Я.Марра, которая оказала задерживающее влияние на развитие сравнительного языкознания. Самый этот курс, а с ним и курс санскрита, в университетах пришел в полный упадок. В 1950 г., после резкой критики теории Н.Я.Марра, сравнительная грамматика индоевропейских языков была восстановлена, причем в ней, конечно, выдающуюся роль стал играть и санскритский язык, однако самостоятельный курс этого языка, по крайней мере в Харьковском университете, так и не возродился, о чем можно только пожалеть. Зато индианистика возвратилась к тому направлению, которое было у нас определено работами М.Лунина, А.Рославского-Петровского и нашло свое отражение в советское время в работах ВУНАВ, т.е. к исторической тематике. Так, прежде всего, на историческом факультете уже вскоре после возвращения университета в Харьков из Кзыл-Орды история Индии не только входит как составная

часть в общий курс стран Азии и Африки¹⁾, но также систематически появляются студенческие дипломные работы по истории этой страны. Среди них некоторые уже представляли научный интерес, например, В.А.Кузнецова "Раздел Индии на Индостан и Пакистан" и С.И.Авербуха, посвященная Индии в эпоху Александра Македонского. Тогдашний аспирант кафедры истории нового времени Ю.Г.Литвиненко печатает ряд своих статей, посвященных истории рабочего движения в Индии, а именно: "Развиток проф-спілкового руху в Індії у 1927-1929 р.р."²⁾, "Становище пролетаріату Індії напередодні світової економічної кризи (1927-1929)"³⁾ и "Развитие коммунистического движения в Индии в 1927-1929г.г."⁴⁾. В дальнейшем 22-го мая 1964 г.Ю.Г.Л

А также в курсе истории древнего мира. Доц. В.А.Гольденберг издал два руководства, в которых история Индии нашла свое отражение. - История древнего Востока. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторического факультета. Изд.ХГУ, 1954, и в более расширенном виде - История древнего мира. Изд.ХГУ, 1956.

2) "Зучені записки Харківського державного університету. Труды історичного факультету" Х. 1961, т.8, стр.55-72.

3) "Уч. зап.ХДУ.Тр.істор.фак-ту", Х.,1962, стр.94-110.

4) "Уч. зап.ХГУ.Труды кафедры истории КПСС", 1962, т.10, стр95-112.

Литвиненко успешно защитил диссертацию на тему "Рабочее движение в Индии в конце частичной временной стабилизации капитализма (1927-1929 г.г.)" 5). Работа написана на большом материале первоисточников и работ, главным образом индийских, как современных событиям, так и более поздних. Автор подробно, на цифровом материале, дает картину роста стачечного движения индийского пролетариата в эти годы. Анализируется ход стачечной борьбы, ее направленность, ее характер, подробно освещаются крупнейшие стачки того периода. В связи с ростом стачечного движения показан рост организованности индийского пролетариата в конце 20-х годов, подъем его революционной борьбы, в особенности усиление борьбы за создание единой коммунистической партии Индии. В работе исследованы и по новому поставлены многие принципиальные вопросы, например, о текучести рабочей силы в Индии в различные периоды, о связи рабочих с деревней и т.п. Ю.Г. Литвиненко и далее продолжает работу в той же области. Кроме того, им написан ряд статей по Индии для "Української радя-

5) Автореферат диссерт. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Харьков, 1964, 16 стр.

исской энциклопедии", а именно: "Бомбейский страйк 1908", "Гхон Адхой Кумар", "Данге Шрипат Априт", "Индийские национальные повстанья 1857-59", "Мирутский процес", "Тантла-Топи" и др.

По истории древней Индии подготовлена диссертация другого воспитанника нашего университета С.И.Авербуха на тему "Борьба народов Северо-Западной Индии против нашествия войск Александра". Она содержит следующие разделы: Источники и литература, Социально-политическая обстановка в Северо-Западной Индии накануне вторжения войск Александра. Ход военных действий. Общие выводы. Автор особенно подробно исследован источники в виде отдельных экскурсов⁸⁾.

8)

1. Флавий Филострат как источник к истории индийского похода Александра. 2. Квинт Курций Руф. К вопросу о датировке и степени достоверности его книги. 3. Истин как соавтор Помпея Трога. 4. Место Индии в "Исторической библиотеке" Диодора Сицилийского. 5. Мировоззрение и метод Плутарха в связи с его жизнеописанием Александра. 6. Является ли "Анабазис" Арриана единственной основой для характеристики индийского похода Александра.

Среди них особое внимание уделяет Флавию Филострату, считая, что свидетельства этого сравнительно позднего автора, которыми до настоящего времени обычно пренебрегали, отражают особую традицию, которая возможно происходит из Индо-Бактрийского царства и даже достигает времени Александра. В отношении остальных источников С.И.Авербух ставит себе задачу выяснить соотношение между главными и второстепенными источниками для изучения отдельных этапов индийского похода Александра. Обычно же эти источники рассматриваются как единое целое, причем на первое место ставят Арриана. В главе о социально-политической обстановке в С.-З.Индии в конце IV века автор конкретно изучает различные формы родовых общин и рабовладельческих классовых государств в этом районе и показывает, что сила сопротивления народов Индии нашествию Александра соответствовала характеру их общественного строя. Вопрос о многоукладном строе Индии, в частности о "га-не", был исследован еще К.Марксом, а потом некоторыми советскими и индийскими историками, но только в общем виде. В отношении же к данному району Индии в данное время это сделано

тут впервые. В конечном итоге С.И.Авербух ставит себе задачу показать, что не Пор и другие представители рабовладельческого класса Индии задержали завоевательный поход Александра, а свободные индийские племена, сохранявшие до известной степени родовые отношения. Их героическое сопротивление является одной из наиболее драматических и увлекательных страниц истории Индии того времени. Таким образом, битва Александра и Пора при Гидаспе не является кульминационным пунктом индийского похода.

Часть диссертации С.И.Авербуха опубликована в виде комментария к переводам отрывков из рассказа Флавия Филострата об Индии в книге "Антология литератур Сходу".⁷⁾

Вместе с тем в Харьковском университете возобновляется работа по библиографии индианистики и рецензирование текущей литературы. Из печатных работ здесь следует упомянуть прежде всего обширную рецензию сотрудника.

ЦНБ ХГУ Х.С.Наделя на "Библиографию Индии", Москва, 1959 г., в которой также дан список дополнений в 220 названий⁸⁾. Особый интерес в

7)

Харків, 1961, стр.351-359 (Перевод), 429-44.
(Комментарии).

8)

"Народы Азии и Африки", 1961, №2, стр.182-191.

этой работе Х.С.Наделя представляет то, что он обратил внимание на пропуски данного указателя в области украинской индианистической литературы. Такой же характер носит рецензия Х.С.Наделя на книгу "Рабиндранат Тагор. Библиографический указатель". Москва, 1961, составленный Л.А.Стрижевской⁹⁾. И здесь, кроме собственно рецензии, даны обширные дополнения к переводам, литературе о жизни и творчестве Р.Тагора и его иконографии на русском, украинском, белорусском, еврейском, грузинском и латышском языках (всего 150 названий). Следующая рецензия Х.С.Наделя — указатель "Художественная литература зарубежного Востока. Библиография переводов на языки народов СССР (1918-1960)", Москва, 1963¹⁰⁾ при всей своей краткости содержит интересные указания, касающиеся именно переводов из индийских писателей.

В 1961 году в издательстве ХГУ вышла книга "Антологія літератур Сходу", составленная А.Ковалевским. Вводная статья "Изучение Востока в Харькове и Харьковском университете в 9) "Народы Азии и Африки", 1962, №2, стр.230-236.
10) "Народы Азии и Африки", 1964, №3, стр.200-201.

XVIII-XIX веках" (стр.9-122) в значительной степени посвящена индологии¹¹. В частности, освещены работы таких профессоров Харьковского университета как М.Луниин, А.Рославский-Петровский, В.Шерцль, Д.Овсяннико-Куликовский, П.Риттер и другие. В самой "Антології" даны переводы произведений индийской литературы, сделанные или изданные в Харькове А.П.Баранниковым, Д.Овсяннико-Куликовским, П.Риттерами и Г.Хоткевичем. К переводам даны обстоятельные примечания, отчасти взятые у самих переводчиков, отчасти принадлежащие составителю "Антології". Книга посвящена памяти П.Риттера и в ней помещены два его портрета и автографа.

На эту книгу до настоящего времени в СССР было опубликовано десять рецензий и замечаний на украинском, русском, таджикском и грузинском языках. На основании, главным образом, материалов этой книги большой обзор украинского востоковедения дал польский ориенталист Ян ГИ

Первой попыткой в этой области явилась еще студенческая работа С.И.Авербуха "К истокам востоковедения в Харьковском университете", 1952г., премированная грамотой за городским смотром. Он же принимал деятельное участие в составлении "Антології" (см. "Антологія", стр.102, прим.8, и 122).

Рейхман в журнале "Przegląd Orientalistyczny"¹²⁾
Из советских рецензий следует отметить две,
принадлежащих Х.С.Наделю¹³⁾. Со свойственной
ему эрудицией Х.С.Надель дал здесь целый ряд
важных дополнений, в частности и в области
индологии. Эта рецензия Х.С.Наделя в свою оче-
редь легла в основу его обзорной статьи "Индоло-
гия в Харьковском университете за полтора
века"¹⁴⁾. В ней, между прочим, показано, что
уже при основании университета в 1805 г. его
первый ректор И.Рихский интересовался индийс-
кими языками. Далее в статье дан систематиче-
ский обзор работ в данной области в нашем уни-
верситете до П.Г.Риттера включительно. Х.С.На-
делю удалось найти интересные новые материалы,
дополняющие статью А.Ковалевского в "Антології літератур Сходу".

12) Warszawa, 1964, №1(49), стр. 53-57.

13) "Прапор", 1963, №1, стр. 62-65, и "Народи Азії і Африки", 1963, №3, стр. 163-165. Обзор рецензий на "Антологію" дан в последней по времени Я.Р.Дашкевича в "Радянське літературознавство", 1964, №6, стр. 134, прим. 1-4.

14) "Народи Азії і Африки", 1964, №2, стр. 169-173.

Весьма ценным пособием является работа Х.С.Наделя и его соавтора Р.С.Лівшиц "Систематичний покажчик до журналу "Східний світ" - "Червоний Схід" (1927-1931)" в литографированном издании Харьковского университета, 1964 г., 61 стр. Этот указатель пускает в оборот значительное количество малоизвестных востоковедных работ и материалов. Всего здесь дано 411 номеров, из которых 15 касаются специально Индии (стр.31-33).

Что касается изучения наследия самого П.Г. Риттера, то, кроме соответствующих мест в упомянутой выше "Антології", А.Ковалевским была написана статья о нем в Украинской советской энциклопедии¹⁵⁾.

Много внимания в послевоенные годы уделялось в Харькове массовой пропаганде на тему об Индии. Центром этой деятельности было, конечно, общество "Знание". Следует отметить выступления лекторов перед рабочими харьковских заводов, которые выполняли специальные задания для промышленности Индии. Так, на Харьковском электромеханическом заводе был прочитан ряд таких лекций, в частности, о строительстве ме-

¹⁵⁾ "Українська радянська енциклопедія", т.12 (1963), стр.274.

та лургического комбината Бхилак, в котором этот завод принимал участие, и об индийско-советских культурных связях, в Доме культуры завода "Металлист" был проведен вечер, посвященный Индии и т.д. Харьковские лекторы читали лекции на индийские темы также за пределами Харькова, в частности, в Белгороде. Так, Белгородским отделением общества "Знание" было издано пособие С.И.Авербуха "Внутреннее положение и внешняя политика Индии (Материал в помощь лектору)"¹⁶⁾, содержащее ряд таблиц. Следует отметить также ярко написанную книгу харьковчан В.Б.Агибаловой и П.В.Ковалева "Обитель снегов"¹⁷⁾, посвященную Гималаям, которая вышла также на латышском языке¹⁸⁾.

А.П.Ковалевский.

16) Белгород, 1959, стр.33.

17) Географиздат, Москва, 1956.

18) V.Agibalova, P.Koval'ev. Sniegu majeklis.Rīgā, 1957.

ВОСПОМИНАНИЯ О РИТТЕРЕ.

Пятьдесят лет тому назад, в 1915 г., будучи студентом физико-математического факультета Харьковского университета, я часто посещал лекции профессоров-филологов: литовский и древнеисландский у Я.М.Эдзелина и санскритский у П.Г.Риттера. Курс санскрита был предназначен для общей подготовки студентов-филологов, а потому Павел Григорьевич читал его, пользуясь латинским шрифтом, без деванагари. Говорил он быстро и также быстро писал на доске, иногда поверх уже им написанного. Таким образом, сдать этот курс без его литографированного пособия было трудновато. Но зато в его пособиях были тех интересных рассказов об Индии, которыми Павел Григорьевич дополнял свой сухой грамматический материал. Это были рассказы о женитьбе Шивы на Парвати и рождении бога войны, о царе Пурураваде и небесной аскаре Урвыши, о подвигах царя Рамы и т.п.

После установления в Харькове советской власти, уже побывавши в Лазаревском институте восточных языков, я снова оказался слушателем Павла Григорьевича, на этот раз уже как студент Романо-германского отделения филологиче-

ского факультета того же университета, кото-
рый тогда назывался Академией теоретических
занятий. Условия для занятий были в то время
гражданской войны и экономических трудностей
тяжелые, так что студенты в шутку называли
свой вуз "Академией терзаний". Павел Григорье-
вич был блестящим знатоком основных западно-
европейских языков, на которых свободно гово-
рил. Так свою первую лекцию "*Pro verba legendi*"
еще в 1897 г. он прочитал сначала по-русски, а
потом по-итальянски. Поэту Калидасу "Облако -
вестник" он перевел не только по-русски и по-
украински, но и по-итальянски. Говорил, что
он послал ее в Италию, но судьба ее мне не известна. Итак, в те времена он читал в универ-
ситете сравнительную грамматику индо-европей-
ских языков, обязательную для всех филологов,
а на нашем отделении - введение в романскую фи-
лологию и историю французского языка. Впрочем,
чтение было не регулярно, ввиду упомянутых
уже трудностей, и экзамены мы сдавали преимуще-
ственно по книгам. Перед экзаменом Павел
Григорьевич брал у студента зачетную книжку и
ставил в ней 5, а потом спрашивал: "Что Вас
больше всего заинтересовало в данном курсе?"
Так как я к тому времени был уже знаком с

арабским, то, помнится, пустился в рассуждения о значении так называемой внутренней флексии, которая в семитических языках играет основную роль, но которая, как мне казалось, содержится и в семантических перегласовках в индо-европейских. Павел Григорьевич ответил, что явления эти, конечно, аналогичны, но видеть в них какую-то праязыковую связь между обеими системами языков нет оснований. Такой способ экзамена был возможен только в условиях небольшой группы студентов, которые занимались на романо-германском отделении. Экзамен по французскому языку у Павла Григорьевича состоял просто в переводе любого текста. Помнится, что я при этом неточно перевел слово *ptérisse*. Павел Григорьевич меня поправил, но потом я чувствовал себя очень неловко.

Тем временем Павел Григорьевич Риттер пытался создать на филфаке особое отделение индо-иранских языков. Для начала, чтобы придать этому делу солидный характер, он поставил условие, чтобы студенты этого отделения знали хотя бы один восточный индоевропейский язык. Таковых оказалось два, Автолик Геворкович Тер-Гевондян, занимавшийся изучением диалектов староармянского языка на основании средневе-

кових памятников, и я, поскольку я был знаком с персидским. Однако читать этой небольшой группе санскрит Павел Григорьевич не стал, а занятия ограничились очень интересным курсом литературы древней и средневековой Индии, которые проходили у него дома. На письменном столе у Павла Григорьевича стояли вряд огромные тома санскритского словаря, а по стенам в шкафах расположились его замечательная индологическая библиотека. Однако в том же кабинете стоял рояль, и иногда к нашему приходу этот "грамматист" и индианист заканчивал вдохновенное исполнение какого-нибудь любимого им классического музыкального произведения. Ведь и здесь Павел Григорьевич не был простым любителем. Он закончил Харьковское музыкальное училище, выступал в Доме ученых перед весьма взыскательной публикой. Его любимым музыкантом был, кажется Шопен. В его библиотеке были и работы по индийской музыке, которой он тоже занимался, в частности музыкой Рабиндранатха Тагора к его стихам. Павел Григорьевич говорил, что в европейской музыке индийцы больше всего любят Вагнера.

Занятия по индийской литературе состояли из чтения произведений старых авторов, знаком-

ства с редкими изданиями, а также репродукциями произведений искусства, которые Павел Григорьевич тут же извлекал из своих шкафов. Потом все это переходило в беседы о прочитанном. Павел Григорьевич был большим эрудитом в частных вопросах. Однажды я спросил его, как это случилось, что на Цейлоне имеется Адамов пик и так называемая "стена" Адама. Ведь индийцы первого человека называли Ману, а имени Адама не знали. Павел Григорьевич сразу не нашелся что ответить, очень разволновался, начал искать в литературе, но безуспешно. Однако на следующий месяц он с торжеством сообщил, что эти названия созданы и распространены арабами. Рассказывал нам Павел Григорьевич и о новой индийской литературе, в частности о Рабиндранатхе Тегоре, о его брате - художнике Абаниндранатхе и вообще о новой индийской живописи. В дальнейшем наша группа распалась. А. Тер-Геванджи на материальных соображениях перешел в Технологический институт, а я закончил все же не индо-иранское, а романо-германское отделение.

Следующий этап моего знакомства, а теперь связан был дружба, с Павлом Григорьевичем Раттером была наша общая работа по организации естественного заповедника в Харькове, начиная с создания в 1925 г. небольшой группы энтузиастов

стов Восточной секции Харьковского научного общества, потом работы во Всеукраинской ассоциации востоковедов, в журнале "Східний світ" и т.д. Очерк истории этих учреждений дан мною в "Антології літератур Сходу" на стр. 82-92. Павел Григорьевич принимал во всем этом самое деятельное участие, был, между прочим, директором Харьковских курсов восточных языков, хотя сам там лекций не читал.

Павел Григорьевич прекрасно владел украинским языком и имел хорошее произношение. Повидимому, он знал этот язык с детства, с Полтавщины. Трудность овладения каким-либо славянским языком состоит в том, чтобы научиться не смешивать его с другим, ему близким, соблюдать все смысловые различия часто близких по форме слов и оборотов. Так, проф. А. Н. Гладстери, председатель ВУНАВ, одно время путал украинский с польским (говоря "тераз" вместо "зараз" и т. п.). Павел Григорьевич никогда не допускал жаргона и посмеивался над теми, кто это делал. С большим старанием и любовью он создал в это время "Антологію індійської літератури", начиная с древнейших времен, которую он хотел в будущем довести до нашего времени. Она должна была быть издана в серии переводов с восточ-

ных языков, выходившей под моей общей редакцией. Заботясь о художественном стиле этих переводов Павла Григорьевича Гиттера, издательство прислало к Павлу Григорьевичу некую поэтессу, которая предложила довольно много вариантов стихов отдельных мест. Однако при сверке оказалось, что большинство этих вариантов отдаляют перевод от оригинала, причем не дают каких-либо особых художественных преимуществ в украинском тексте. Составляя свою "Антологию", Павел Григорьевич подбирая материал не только с художественной точки зрения, но старался отразить в них повседневную жизнь, быт древней Индии. Так, из Вед были даны: "Игрок в кости", "Пьяный Индра", "Сатира на брахманов под видом лягушек", из Рамаяны сцены из придворной жизни, из Махабхараты знаменитое описание битвы и т.д. Таким образом, эта антология представляла собой большой научный интерес и была высоко оценена таким знатоком литературы, каким был акад. А. И. Белецкий. Судьба ее была печальна. Издательство, которое приняло ее к печати, было слито с ДВУ, куда перешли все его материалы. Здесь в отделе художественной литературы главным редактором оказався некто, писавший под псевдонимом "Чена-

вс-чреве-суций". Когда я принял к нему по вопросу об издании "Антолог^{ии}" Павла Григорьевича Риттера, он на меня набросился: "Как! Вы что! Хотите издавать религиозную литературу? Да тут то и дело упоминаются разн^{ые} боги!". Напрасно я возражал ему, что боги эти древне-индийские, которые и самой-то Индии воспринимались как далекое прошлое, что в таком случае нельзя издавать "Илиаду" и "Одиссею"... Он был неумолим и не принимал никаких аргументов. К счастью, благодаря заботам акад. А. И. Бенецкого, рукопись Павла Григорьевича сохранилась и еще может быть издана.

Павел Григорьевич Риттер, каким я его помню, всегда был бодр, жизнерадостен и весел. Таким он оставался и тогда, когда почти потерял зрение и вынужден был пользоваться очень сложными очками. В 1937 или начале 1938 г., уже в Ленинграде, акад. Ф. И. Щербатский поручил мне выяснить в Харькове вопрос о возможности перехода Павла Григорьевича в Ленинградский университет для чтения лекций по санскриту на Восточном отделении. Однако осуществить это было уже невозможно.

А. П. Ковалевский

Со времени студенчества, когда мне случилось быть слушателем Павла Григорьевича Риттера, прошло без малого полвека. К сожалению, об этом далеком времени в памяти сохранилось немного.

В ту пору Павел Григорьевич был уже немолдным. Я вспоминаю его быструю походку, всегда несколько торопливые движения. Седенький, с бородкой клинышком, а во взгляде, сквозь пенсне, очень часто веселое добродушие, даже, пожалуй, немного и лукавства.

П.Г.Риттер никогда нарочито не старался угодить аудитории, снискать популярность иначе, как излагая последовательно и с необходимой проницательностью научные истины.

Насколько я могу судить, Павел Григорьевич никогда не был удовлетворен только тем, что он знал. А знал он очень много. Он окончил историко-филологический факультет Харьковского университета по специальности русской филологии. Позже изучал романскую филологию. Наконец, стал выдающимся специалистом в области сравнительной грамматики индо-европейских языков и санскрита. Павел Григорьевич был талантливым переводчиком с древнеиндийского языка. Таковы, напр., его переводы из Калидасы (У в.п.э.) на русский и украинский языки.

Ц.Г.Риттер в своей научной деятельности по широте и разнообразию своих интересов напоминает наиболее талантливых своих учителей и товарищей по работе - В.П.Бузескула, Н.Ф. Сумцова, А.И.Белецкого. Ему, как и перечисленным ученым, был свойственен острый интерес к обобщениям, синтезу, к философской стороне филологической науки.

Так и сохранился в памяти слушателей образ ученого, предельно скромного, совершенно непрактичного человека "бессонной души", неутомимого искателя истины.

А.Розенберг, доцент ХГУ,
филолог выпуска 1921 го-
да.